

Учитывая его уровень, тот, кто мог заставить его так бояться, наверняка был абсолютным мастером, и, вероятно, между ними даже произошло что-то, что оставило глубокий психологический след...

— Сяо Цзюньи! Это он... Давай уйдём, он придёт... чтобы убить меня... — Е Цзыси, немного успокоившись, услышав его вопрос, снова взволновался, судорожно дергаясь в его объятиях, охваченный паникой.

— Не будет! Он не... точно не... не бойся... — Сяо Цзюньи мягким голосом снова и снова успокаивал его, на лице застыло выражение мучительной растерянности, а в горле поднималась горечь, которую он изо всех сил проглатывал.

Он уткнулся головой в шею Е Цзыси, плотно прижимаясь к нему телом, и, наконец, тот успокоился, больше не дергался, но в груди Сяо Цзюньи бушевала буря, и он не мог найти покоя.

Почему?

Почему?

Почему же?

Глаза Сяо Цзюньи налились кровью, он молча кричал, желая разорвать этого человека на части и проглотить, или встряхнуть, чтобы тот проснулся и всё объяснил, лишь бы прекратить эти мучения.

Что он сделал не так?

За что этот человек так его ненавидит и боится?!

Более того... Е Цзыси должен был знать его характер, его способности, его чувства к нему!

Должен был знать всё!

Он был готов вырвать своё сердце и преподнести ему, лишь бы вызвать у него улыбку, но никогда не думал, что в тот момент, когда тот больше всего напуган и не может скрыть своих истинных чувств, он будет смотреть на него именно так!

Разве он не знает, что Сяо Цзюньи скорее покончит с собой, чем причинит ему хоть каплю вреда?!

Сяо Цзюньи крепче сжал объятия, настолько сильно, что Е Цзыси издал болезненный стон, но он всё равно не мог отпустить его. В этот момент он действительно подумал, что лучше задушить его в своих объятиях, чтобы тот не мог убежать, а потом, когда он отомстит, последует за ним!

Но он не смог...

С отчаянием он понял, что не способен причинить ему вреда, ни в чём.

Даже если сердце разрывалось от боли, он не мог позволить ему страдать.

Почему ты боишься меня?

Я люблю тебя...

Через некоторое время, когда эмоции немного улеглись, Сяо Цзюньи отнёс его на кровать и снял с него верхнюю одежду. Когда ярко-красная одежда спала с плеч, исчезла и часть его суровости.

Спящий Е Цзыси был особенно послушен, его ресницы слегка дрожали, губы были сжаты. Он повернулся, обнял одеяло, закинул на него длинную ногу, щиколоткой зацепился за край, сладко потёрся щекой и затих.

Белоснежная нижняя одежда очерчивала плавные линии: длинные ноги, тонкую, словно ивовая ветка, талию и слегка узкую грудь.

Его изящные белоснежные ступни с бледно-розовыми пальчиками, оказавшись на воздухе, слегка поджались от холода. Сяо Цзюньи протянул большую руку, согрел их, и пальцы снова расправились, даже с некоторым удовольствием потянувшись к источнику тепла.

Сяо Цзюньи был доволен его непосредственной и милой реакцией, по привычке хотел улыбнуться, но обнаружил, что не может.

Всего лишь из-за одного слова этого человека...

Он наклонился, медленно приблизившись к незащитной фигуре, раздвинул слегка растрепанные пряди и долго вглядывался в лицо, прежде чем, наконец, решился и нежно коснулся губами тех уст, к которым так стремился, которые столько раз снились ему в детских снах.

Мягкие, сладкие. Лишь слегка коснувшись, он почувствовал, словно попробовал самую вкусную конфету в мире. Он целовал снова и снова, мягко и осторожно, боясь, что конфета растает.

Его дыхание участилось, руки уперлись в изголовье у головы Е Цзыси, глаза покраснели. Он тяжело дышал и снова наклонился, гибкий язык хотел раздвинуть зубы, чтобы исследовать тёплое и сладкое убежище внутри, но тихий стон Е Цзыси вернул его в реальность.

— Сегодня я тебя отпускаю... — внезапно очнувшись, он пробормотал сквозь зубы, ещё раз яростно провёл языком по губам, затем снял верхнюю одежду, лег рядом и прижал к себе.

Сцены, которые он видел в снах так много раз, вдруг стали реальностью, и он почувствовал зыбкость происходящего. Ему приходилось крепко обнимать его, прижимая каждый сантиметр кожи, словно только так он мог убедиться в его существовании, а не в том, что это просто очередной сон.

На следующий день, когда Е Цзыси проснулся, голова всё ещё гудела, в висках стучало. Он не ожидал, что фруктовое вино, которое на вкус было как сок, окажется таким крепким!

Он поднял руку, чтобы помассировать ноющий висок, но обнаружил, что всё тело, кроме головы, не слушается. А за спиной слышалось дыхание другого человека — ровное и спокойное, от чего он чуть не выпрыгнул от шока.

Кто это, чёрт возьми?

Я что, вчера напился и потерял контроль?

Он задержал дыхание, осторожно повернул голову и увидел чёткий профиль, освещённый солнцем. Большая часть лица была уткнута ему в спину. Сонного, видимо, беспокоили его движения: он слегка хмыкнул, потёрся щекой, но не просыпался.

Кто это?

Утром после похмелья голова работала плохо. Е Цзыси был в полном замешательстве, особенно глядя на это лицо, которое не вызывало никаких воспоминаний.

Он напился... и переспал... с... мужчиной?

— М-м... Не дёргайся, поспим ещё немного, — раздался низкий мужской голос, глухой и сонный, с утренней ленью и прелестью, которая наконец привела мысли Е Цзыси в порядок.

— А, вспомнил. Это тот парень, которого он вырастил, но который сбежал из дома!

— Вставай! — сквозь зубы прошипел Е Цзыси и со злостью шлёпнул его по руке. Раздался звонкий звук, но он подсознательно сдержал силу: просто для вида, боли не было.

Но тот наглец прилип к нему: рука на талии сжалась, длинная нога легла сверху, обвив его, как осьминог. Он даже сонно потёрся лицом в его волосах.

— Не дёргайся, ещё немного...

Е Цзыси задохнулся. Прожив две жизни, кроме этого навязчивого ребёнка, никто так близко к нему не приближался. Он привык к одиночеству, и эти чужие, лишние прикосновения вызывали у него тревогу.

В детстве это было нормально: всем нравятся красивые и милые дети, глядя на их чистые глаза, не будешь слишком осторожничать. Но...

Но этот парень уже взрослый!

Прошло пять лет, когда-то юный и нежный контур лица стал чётким и выразительным. Объятия сзади несли жар, почти обжигая спину!

Руки, удерживающие его, были сильными и крепкими, даже сквозь ткань чувствовалась скрытая мощь. Широкая грудь могла легко укрыть его целиком, плотно прилегая. Даже без одеяла холода не чувствовалось.

Сейчас он мог держать его так, как хотел, в позе полного контроля...

Щёки Е Цзыси залил румянец. Он яростно дернулся пару раз, но безуспешно. Стыд и гнев поднялись из глубины души, почти прожарив его насквозь.

Он сжал губы, собрал в ладони немного внутренней силы и со всей дури ударил. Наконец-то притворявшийся спящим издал жалобный вскрик и обиженно открыл глаза.

— Брат, ты меня бьёшь с самого утра? Ты, значит, совсем по мне не скучал?

Поражённый его наглостью и бесстыдством, Е Цзыси сдержался. Все эти годы роскошной жизни, видимо, всё его терпение и воспитание ушли на этого парня!

— Вставай!

Увидев, что тот действительно разозлился, Сяо Цзюньи разжал объятия и нехотя поднялся.

На самом деле он давно проснулся, или, скорее, не спал всю ночь. Кто мог уснуть, обнимая человека, которого так долго ждал? Он был в возбуждении, ворочался, не желая терять ни секунды.

Но слова Е Цзыси вчера также заставили Сяо Цзюньи нервничать. Если брат так боится его, почему тогда так хорошо к нему относится?

Ночь. Секс на пьяную голову. Е Цзыси в полном замешательстве: секс на пьяную голову — это не страшно, страшно, что партнёр — мужчина. Как с этим разобраться после пробуждения, чтобы не получить пощечину? Жду ответа онлайн, срочно...

Ручной смешок.jpg

<http://bllate.org/book/17706/1653976>